

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Ж. Е. Левина

СТОЛИЧНАЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СИБИРИ (20–60-е годы XX века)

На рубеже 20–30-х годов XX века представления о центре и провинции в советской культуре складывались из традиционных взглядов и новых амбиций творческой интеллигенции «на местах». «Обыденный уровень» представлений о роли центра и провинции в развитии профессиональной культуры в целом и становлении художника в частности сохранял традиционные установки.

Сложившийся в художественной провинциальной среде стереотип центра включал и представление о важнейшей для интеллигенции возможности более полной творческой самореализации. По мнению многих представителей интеллигенции, особенно молодых, провинциальная жизнь не способствовала творческому развитию. Малочисленность самой провинциальной художественной интеллигенции порождала ограниченность в общении. Устоявшиеся представления об эстетических ценностях признанных в провинции мастеров, занимавших к тому же руководящие посты в государственных структурах или творческих объединениях, зачастую блокировали творческую инициативу нового поколения. Конкретные художественные произведения и творческий потенциал новых авторов обычно находили признание «на местах» после того, как были замечены и отмечены столичной критикой.

Немаловажной стороной признания являлась и материальная обеспеченность, о которой в провинции могли только мечтать. Вивиан Итин, сравнивая положение «поэтов-сибиряков» в Москве и Омске, уже в 1927 году отмечал, что для творческой личности в Сибири «перспективы невеселые»: «Поэт-сибиряк: в Москве

(Иосиф Уткин). Известность, объявления в целую страницу, портреты, отзывы, сборник стихов в “Госиздате”, гонорары и пр., пр.

Поэт-сибиряк: в Омске (Леонид Мартынов). Гонорары в четверть меньше. Объявлений нет. Книги стихов нет. Есть высокомерная невежественная ругань. Поэт в Омске ясно видит: в Москве раз печатают, то и в обиду не дают». Общий вывод Итина о возможностях развития художественной культуры в Сибири звучал неутешительно: «Так мы теряли и будем терять лучшие силы»¹. П. Васильев в начале 30-х годов XX века говорил, что способным ребятам в Омске живется безрадостно². Отношение к городу обнаруживается и в его стихотворных строках:

Ты прощай, прощай любезный,
Непутевый город Омск³.

Л. Мартынов, тоньше чувствовавший специфику Омска, относился к городу по-другому: «Необычайный город. Славный город...» Однако и ему, по мнению коллег и друзей, не хватало в Омске профессионального общения⁴. С. Залыгин, работавший вместе с ним в редакции областной газеты «Омская правда», отмечал, что Мартынова «все попросту не понимали». На редакционных «летучках» Залыгина всегда хвалили, а Мартынова ругали. Оценить творчество коллеги Залыгин смог только через двадцать лет: «Боже мой, какие дежурные очерки писал я и какие необыкновенные – он! Уже по материалу необыкновенные, свойственные только ему и никому больше... нам нужен был очерк о “типичном” и совершенно понятном для читателя»⁵.

Трудности существования в провинции представляли и в центре. Признанные мастера культуры, знакомые не понаслышке с долей интеллигенции, полагали, что представители художественной среды в глубинке должны обладать особым набором личностных качеств. Особую роль людей творческих для периферийной социокультурной среды подчеркивал М. Горький: «Мне хорошо известно, что значит быть “культуртрегером” в провинции русской и как много нужно иметь любви к делу, веры в него, в его смысл и личного мужества для этой прекрасной по значению и трудной по условиям работы»⁶.

Неудовлетворенность сложившимся положением порождала влечение в центр. Делегат совещания «Всекохудожника» Ананьин писал в ЦК ВКП(б), что в Сибири дает себя знать «утечка многих старых и молодых специалистов изо, двинувшихся в Москву и Ленинград»⁷. Уезжали люди, сумевшие за небольшой срок внести вклад в культурную жизнь края. В. Волгин, один выпускавший журнал «Омский зритель», после закрытия издания в 1929 году уехал в Москву⁸. И. Л. Копылов, страстно пропагандировавший преимущества сибирского искусства в 1927 году, уже в 1930 году уехал в Ленинград⁹.

В понимании всех поколений только в центре, т. е. прежде всего в Москве и Ленинграде, можно было действительно получить художественное образование. В 1930 году в отчете омского филиала Ассоциации художников России отмечалось, что состав преподавателей «по квалификации низкий»¹⁰. Выпускники художественных учебных заведений отправлялись для дальнейшей учебы в столичные города. Многие не скрывали своей неудовлетворенности уровнем провинциального обучения. Тимофей Пав-

лович Козлов, закончив в Омске живописно-педагогическое отделение худпрома, работал преподавателем в этом же техникуме. Уже через год он почувствовал, что четырех лет учебы оказалось недостаточно. Для продолжения образования Т. Козлов уехал в Одессу¹¹. А. Либеров учился в Москве, затем в Ленинграде. В. Р. Волков после успешного окончания художественно-промышленного техникума в Омске отправился на учебу в Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. К. Н. Щекотов окончил отделение монументальной живописи Московского института повышения квалификации¹².

Другой формой повышения квалификации, знакомства с устоявшимися, «академическими» формами работы, а также способом приобщения к столичным веяниям были командировки. Активно доказывал необходимость и добивался права работать в традиционных культурных центрах директор Западно-Сибирского краевого музея и руководитель художественной галереи Ф. Мелехин. В 1928–1929 годах он неоднократно обращался в Омский окружной отдел народного образования, Омский окружной исполнительный комитет с просьбами о предоставлении ему научных командировок. Мелехин обосновывал такой вид деятельности несколькими причинами. Поездки нужны были ему для подготовки к научно-исследовательской работе по изучению Сибири. Две недели работы в киевском музее должны были расширить его представления о приемах организации музейной экспозиции. В Москве Мелехин планировал месяц изучать вопросы исследования и экспозиции народного творчества, два месяца работы в Ленинграде собирался посвятить углублению методологических знаний на базе Русского музея, Института истории искусств и библиотеки Академии наук. В целом командировка должна была продлиться не менее четырех месяцев. В финансовом отношении поездка Мелехина должна была обойтись бюджету в 1 тыс. р., что соответствовало примерно шести месячным окладам директора музея¹³. Такую же сумму Омский окружной отдел образования планировал затратить на содержание и оборудование студенческого общежития ветеринарного института или худпромтехникума¹⁴. По отчетным данным, Мелехин в 1927 году в Ленинграде и Москве провел 117 дней, в 1928 году – 38 дней¹⁵.

В 30-х годах XX века планирование командировок в столицу стало традиционным в кругах, так или иначе связанных с изобразительным искусством. В 1932 году Е. А. Крутиков месяц ознакомился с приемами реставрации в Центральные государственные мастерские в Москве, кроме того, он должен был изучить постановку работы отдела гравюры. В отчете этого года есть сведения о том, что одновременно в центре повышали свою квалификацию два научно-технических работника Западно-Сибирского краеведческого музея¹⁶. В 1933 году музей планировал командировать в Центральные реставрационные мастерские на один месяц художника. Заведующий картинной галереей должен был два месяца изучать формы и методы работы центральных музеев, повышая, таким образом, свою квалификацию. Одному из научно-технических работников предстояло полтора месяца знакомиться в Москве с практикой учета и хранения художественных произведений¹⁷. В планах на 1936–1938 годы цели поездок формулировались уже не так конкретно. Предполагалось «знакомство с постановкой работы в художественных галереях центра» (Москва, Ленинград) или «ознакомление с художественными учреждениями и органи-

ями Москвы и Ленинграда в целях повышения квалификации руководителя картинной галереи»¹⁸. Подобные поездки должны были обойтись бюджету в 1 тыс. р.¹⁹

Особенно большое значение придавалось возможности творческих командировок в центральную часть России – в художественные учебные заведения. Уставы Сибирского художественно-промышленного техникума им. М. Врубеля и Омского государственного музыкального техникума включали пункты, устанавливающие для преподавателей право на командировку каждые пять лет работы на срок от двух до четырех месяцев на специальные курсы для пополнения знаний, для научной работы в исследовательских институтах и высших учебных заведениях. Преподаватели старших курсов могли воспользоваться таким правом раз в четыре года²⁰.

За пять лет – 1929 – 1934 годы – для преподавателей худпрома планировалось 50 командировок по СССР на общую сумму 50 250 р., 25 зарубежных командировок на сумму 25 000 р. Для учащихся планировалось по 4 командировки в год, т. е. всего 20 командировок по СССР на сумму 10 500 р. и 5 командировок за границу на сумму 2 500 р.²¹

В середине 30-х годов XX века преподаватели худпрома действительно отправлялись в творческие командировки. Наиболее опытные и авторитетные педагоги «старой школы» получали до 600 р. на командировочные расходы, «премировались» командировками в Москву. С. Я. Фельдман был награжден научной командировкой в столицу в честь пятидесятилетия творческой деятельности. Молодые преподаватели получали по 250–430 р. на командировки, но поездками в столицу не награждались²².

Несмотря на сложные материальные условия, возможность побывать в культурных центрах имела и у студентов. В 1931 году студенты третьего курса художественно-педагогического техникума проходили в Москве практику²³. В 1932 году учащиеся техникума были на экскурсии в Ленинграде²⁴. В 1935 году Наркомпрос организовал массовую учебную экскурсию в Москву для студентов-отличников, изучающих изобразительное искусство. Поездка должна была продлиться с 6 по 14 июля 1935 года. Расходы, связанные с пребыванием студентов в столице, и стоимость билетов в один конец оплачивал Наркомпрос²⁵.

Экскурсии в Москву организовывались и Ассоциацией художников России (АХР). В 1930 году Центральным бюро филиалов было принято решение организовать поездки групп по 10 человек (на две недели) с 5 июня по 1 сентября. Для гостей предполагалось оборудовать общежитие²⁶.

Кроме организованных и оплачиваемых командировок и экскурсий существовала практика индивидуальных поездок. В конце 30-х годов Л. Мартынов постоянно ездил в другие города, чаще всего в Москву. По воспоминаниям друга поэта, это были не короткие командировки журналиста, а «неопределенные по срокам поиски творческой среды, возможностей поэтического роста, публикаций... Отъезды часто малопродуктивные, нередко тягостные»²⁷.

Существовала и «обратная» связь. На летнюю практику в провинцию выезжали, например, студенты Ленинградского театрального техникума. В 1928 году мастерская Гайдебурова должна была проехать по маршруту Вологда – Вятка – Свердловск – Омск – Новосибирск – Иркутск – Владивосток²⁸.

Провинциальные художники, оказавшиеся в центральных городах, сразу обращали внимание на большое количество работы и возможность прилично зарабатывать. К. Щекотов писал в середине 30-х годов из Москвы: «У нас будут деньги. Я буду много работать, сейчас я нашел хорошую работу... Можно спокойно заработать хорошие деньги». В другом письме он отмечал: «Такая масса работы и все срочно...»²⁹

П. Васильев при встрече с товарищем в столице не переставал рассказывать о себе, о тех возможностях, которые открывались перед ним в Москве: «Я вошел в поэзию! Меня хотят печатать все толстые журналы»³⁰. Друзьям в провинцию он сообщал о широких перспективах, открывшихся ему. Свое материальное положение Васильев описывал так: «Чего еще надо мне. Изъездить весь мир? Я делаю это. Вина? Оно есть у меня. Денег? Я не нуждаюсь в чересчурных деньгах, а необходимое у меня всегда есть. Славы? Я уверен, что приобрету ее...»³¹ Д. Суслов писал в 50-х годах Палашенкову в Омск: «Материально обеспечен»³².

Субъективные впечатления молодых людей, попавших в столицу, отчасти подтверждаются статистическими данными. В 1936 году заработная плата рабочих и служащих в крупной промышленности Красноярского края составляла 99,1 % средней по РСФСР, в Западно-Сибирском крае – 85,3 %, в Омской области – 84,1 %. В январе 1936 года в городских поселениях европейской части СССР на одного человека приходилось 4,4 кв. м жилой площади, в Западной Сибири – 3 кв. м. Сибирь отставала и по снабжению населения продуктами питания. В 1931 году рабочие Кузбасса потребляли меньше, чем рабочие Донбасса, муки и хлеба на 17,2 %, овощей – на 79,8 %, рыбы – на 75 %, масла сливочного – на 57,2 %, яиц – на 65,3 %, сахара – на 42,8 %³³.

В столице провинциалы ощущали значение времени, его измеримость и насыщенность. На первый план выходили профессиональные навыки, позволяющие эффективно планировать и использовать время. Эта тема постоянной деятельности рефреном проходит в письмах К. Щекотова 30-х годов: «Провожу время в какой-то непрерывной занятости»; «...И работать нужно успеть и учиться нужно...»; «Ты не представляешь, какая бешеная работа была у меня... я буквально разрывался на части. Дней восемь приходилось спать только часа 2–3, а последние 3 дня совсем не спал, работал круглые 24 часа и на выставки везде поспел, и не верилось. Помогали: большое упорство и быстрота в работе»; «Я так занят, времени не хватает... все срочно, особенно последние дни, пришлось не спать несколько ночей, работал по 22 часа в сутки»³⁴.

О постоянной занятости в 40–60-х годах писал Д. Суслов, но уже без юношеского оптимизма, с некоторой долей «усталой обреченности»: «По приезду в Москву вновь завертелось колесо работы»; «Отдаю все свои силы, энергию, опыт, знания, тружусь с утра до поздней ночи, а толку мало»; «Хватишься – зима пролетела. Взглянешь – весна... и занят, занят, занят донельзя»; «Живем-то мы торопливо, суетно, беспокойно»; «Эта постоянная кутерьма на работе, занятость, суетность»; «Какое безжалостное время – летит и летит, без удержу. Вот опять распрощался с уходящим годом. С ним ушла частица нашей жизни, здоровья, энергии»³⁵.

Постоянная жизненная гонка требовала отказаться совсем или отодвинуть на задний план прежние интересы и ценности. В первую очередь жертвовали тем, что принято относить к элементам духовной культуры.

В разряд второстепенных или недоступных попадали способы времяпрепровождения, определяющие общее личностное развитие. К. Щекотов писал, что ему даже в кино и театр сходить некогда. В редкие часы досуга он посещал «одни только выставки», т. е. отдавал предпочтение профессиональным интересам³⁶.

Д. Суслов признавался, что «для души и ума от всей работы – ни гроша пользы». Особенно его огорчала нехватка времени на книги: «Стыдно сознаться. Ничего не читаю. Кое-как успеваю проглядеть газеты и на этом конец», «истосковался по просторам и... книге»³⁷.

В сознании провинциалов, оказавшихся в чужом городе, формировался и стереотип культуры периферии. Чаще всего отмечались различия в межличностных отношениях. Сравнения были, как правило, не в пользу столицы. К. Щекотов писал жене: «Я все время думаю о тебе. Сравниваю со всеми здешними столичными раскрашенными куклами, и какими же они кажутся мне надменными и лживыми по сравнению с тобой»; «Я верю в тебя, в твою чистую, хорошую, нежную душу...»³⁸ Идеализация любимой женщины вполне понятна. Но в письмах художника нет никакой другой характеристики его окружения. Создается впечатление, что в суе столичной жизни он оставался один на один со своими интересами и проблемами, по-настоящему общаясь только с женой, оставленной в далеком сибирском городе: «Я здесь среди миллионного народа, а близостью я только с тобой...»; «Ведь мне тоже надоело одному здесь». Все окружающие делится автором на знакомых и друзей, причем друзей среди окружения единицы. Щекотов упоминает только об одном друге, с которым он вместе учился и работал. Общение и творческий контакт с близким по духу человеком и в данном случае были недоступными опять-таки из-за условий жизни: «...Мы с ним вот уже несколько последних лет мечтаем работать вместе и пока еще не осуществили свои намерения»³⁹.

П. Васильев, восторженно отзываясь о творческих и материальных возможностях, в то же время не мог избавиться от чувства необъяснимой потери: «Я полон творческой энергии и все же порой мне бывает невероятно грустно. Чего-то не хватает. Чего – сам не пойму. Я ищу успокоения в вине, в шумных вечеринках, в литературных скандалах, в непреодолимо трудных маршрутах, в приключениях, доступных немногим – и нигде не могу найти этого успокоения. Бывают минуты, когда мир пуст для меня, когда собственные достижения мои кажутся мне никчемными и ненужными. Где-то внутри меня растет жадная, огромная неудовлетворенность... Любви?... Может быть именно этого недостает мне»⁴⁰.

На нехватку дружеского общения в столице постоянно жаловался Палашенкову и Д. Суслов: «Друзей близких, искренних, душевных, с которыми можно поговорить откровенно, просто, не тая свои мысли и зная, что тебя поймут – таких друзей немного, просто единицы и среди них Вы у нас самый первый, единственный». Источником душевного тепла и для Дмитрия Степановича была семья: «Живем своей семьей по-старому дружно, радостно».

Потребность в нелимитированной искренности Д. Суслов восполнял письмами к «доброму другу», делясь в них своими сомнениями, планами, критикуя окружение и работу, сообщая о подробностях семейной жизни и состоянии здоровья. Но даже для писем к другу существовал, видимо, определенный предел откровенности. Временами, ощущая, что рамки, ус-

тановленные внутренним самоконтролем, оказывались отброшенными, Суслов извинялся за неограниченную открытость, маскируясь грубоватой иронией: «Вот в конце концов и взбунтовались моя душа и сознание, захотелось поделиться всем с Вами, мой давнишний приятель, и рассказать все, как на исповеди... Не писал, не писал, да вдруг и разродился. Нагородил всякой всячины. Да Вы извините меня, просто решил поговорить от души на листе бумаги»⁴¹.

В сознании Суслова провинция ассоциировалась, видимо, еще и с тишиной, спокойствием, размеренностью, созерцательностью. В письмах постоянно фигурирует определенный образ провинции. В 1941 году Суслов писал: «Снова прошло больше месяца, как мы с Вами наедине, за чашкой чая, долгими зимними вечерами мечтали и тихонько вели разговор. Иногда лились звуки, напевы музыки. Хорошие минуты! Счастливые часы!»⁴² В 1949 году представление не изменилось: «...Мысленно пересязая в Омск, побывав в библиотеке, и захотелось, так захотелось видеться с Вами, посидеть за стаканом чая и вести тихую, спокойную, длительную беседу, помечтать вдоволь и вспомнить прожитое. Как это было бы чудесно!»⁴³ О том, что такое восприятие дружеских отношений являлось скорее мифическим, говорит не только устойчивое повторение определенных элементов описания и эпитетов, но и реальное поведение Суслова. В 1950 году Дмитрий Степанович был в Омске, но к «единственному», «искреннему», «душевному» другу даже не зашел: «Мне очень хотелось быть у Вас, посидеть вечерок. Посидеть за чашкой горячего чая. Хотелось и не смог быть. Последний вечер, когда рассчитывал заглянуть к Вам, что-то неожиданно прихворнул, затемпературил и с трудом добрал до Кирилловых. Утром уехал на аэродром, больше оставаться было нельзя»⁴⁴. Оправдание подобного поведения выглядит довольно неуклюже, сам тон письма – довольно натянутым. Складывается впечатление, что в лучшем случае Суслов побоялся реальной встречей разрушить идеальный образ. В противном случае, поведение Дмитрия Степановича продемонстрировало реальную шкалу ценностей, в которой дружбе и искренности было отведено строго определенное, подчиненное место, а на первом плане находились конкретные дела, а не сказочные персонажи. Впрочем, и Палашенков, будучи в Москве в 1953 году, к Суслову тоже не заехал. Мифический образ провинции и чистой дружбы от этого нисколько не пострадал. В 1963 году Суслов писал другу: «Мы обязательно ждем Вас к себе и с условием – не на один вечер. Хочется посидеть не торопясь, повести беседу о днях минувших и о своих мечтах и помыслах. Ведь мы так редко встречаемся и то всегда на 2–3 часа, не больше»⁴⁵.

Недостаток душевного общения в столице компенсировали не только активной перепиской и периодическими поездками в Сибирь. В первые годы жизни в Москве литераторы объединялись в своеобразные землячества. В Подмосковье жили С. Марков, Н. Анов, И. Шухов, П. Васильев. Искатели счастья совместными усилиями преодолевали не только бытовую неустроенность. В Кунцево, где снимали комнаты и углы писатели-сибиряки, в конце 20-х годов образовалась своеобразная «сибирская колония». Забелин и Васильев жили в небольшой комнате с одной деревянной кроватью. Писали по очереди на одном подоконнике⁴⁶. В комнате не было не только электрического света, но даже керосиновой лампы. Жилище освещалось жирником⁴⁷. К двери дома поэты прикрепили две круглые

доски, покрытые белой эмалью. Черные выпуклые буквы в самой середине белого круга гласили: «Поэт». Вдоль диска красовались имена поэтов. С. Марков считал, что таким образом в Подмоскovie продолжались традиции «школы» Антона Сорокина⁴⁸.

Осознавая себя особым элементом в столичной жизни, не все провинциалы стремились к полной творческой ассимиляции. Желание заявить о собственном своеобразии проявлялось в попытках представить литературные достижения в коллективных изданиях. В 1930 году появилась реальная возможность издания совместного сборника «Сибиряки», в числе авторов которого должны были быть П. Васильев, Е. Забелин⁴⁹.

В обыденном сознании представителей творческой интеллигенции формируется образ деятельной, рациональной, нацеленной на материальное благополучие и повышение социального статуса, но бездушной и скрытной жизни в столице. Образ провинциальной жизни ассоциируется с созерцательностью, духовностью, ориентацией на внутреннее духовное совершенствование, искренностью. Эти характеристики почти совпадают с упрощенным противопоставлением особенностей Запада и Востока или традиционной и современной (модернистской) культур.

¹ Итин В. О поэтах // Художественная литература в Сибири в 1922–1927 гг. Новосибирск, 1927. С. 85.

² См.: Казаков С. Я любил Павла! // Воспоминания о Павле Васильеве. Алма-Ата, 1989. С. 124.

³ Цит. по: Фурман Н. (Васильева). Письма-признания // Воспоминания о Павле Васильеве. С. 135.

⁴ См.: Юдаlevич М. «Вы видите порывистых людей...» // Воспоминания о Леониде Мартынове. М., 1989. С. 24.

⁵ Залыгин С. Поэт // Воспоминания о Леониде Мартынове. С. 46–47.

⁶ Цит. по: Трушкин В. П. Восхождение. Иркутск, 1978. С. 46.

⁷ Государственный архив Новосибирской области, ф. 3, оп. 13, д. 117, л. 51.

⁸ Волгин В. Пути наши скрещивались // Воспоминания о Павле Васильеве. С. 149.

⁹ Бусоргина Т. Г. Художественная жизнь Восточной Сибири в 1917–1940 гг.: Дне. ... канд. искусств. наук. М., 1979. С. 40.

¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ), ф. 2941, оп. 1, д. 296, л. 8.

¹¹ Тимофей Козлов. Омск, 1995. С. 6.

¹² Соловьева-Волынская И. Н. Художники Омска. Л., 1972. С. 23, 24, 28.

¹³ Государственный архив Омской области (далее ГАОО), ф. 28, оп. 1, д. 217, л. 400–402.

¹⁴ ГАОО, ф. 1076, оп. 1, д. 11, л. 12; ф. 28, оп. 1, д. 217. л. 431.

¹⁵ Там же, д. 109, л. 2.

¹⁶ Там же, д. 149, л. 34, 35; д. 21, л. 21, 25; д. 156, л. 1.

¹⁷ Там же, д. 152, л. 2.

¹⁸ Там же, д. 164, л. 38, 51.

¹⁹ ГАОО, ф. 1088, оп. 1, д. 1062, л. 40.

²⁰ ГАОО, ф. 28, оп. 1, д. 168, л. 638, 669.

²¹ ГАОО, ф. 1357, оп. 1, д. 153, л. 30.

²² Областной центр документации новейшей истории, ф. 17, оп. 1, д. 199, л. 25–28.

²³ Там же, ф. 775, оп. 1, д. 15, л. 47; д. 4, л. 22, 28.

²⁴ Выставка произведений заслуженного деятеля культуры РСФСР Дмитрия Степановича Суслова (1907–1964). М., 1966. С. 20.

²⁵ РГАЛИ, ф. 962, оп. 4, д. 22, л. 15.

²⁶ РГАЛИ, ф. 2941, оп. 1, д. 18, л. 66.

²⁷ Курнева В. С. Творец Лукоморья // Воспоминания о Л. Мартынове. С. 38.

²⁸ Государственный архив Российской Федерации, ф. 5508, оп. 1269 (1), д. 14, л. 5.

²⁹ ГАОО, ф. 3134, оп. 1, д. 46, л. 6, 11.

- ³⁰ Мечик Д. Я вспоминаю тебя, Павел // Воспоминания о Павле Васильеве. С. 72–73.
- ³¹ Пиеницына И. Он рос вместе с нами // Воспоминания о Павле Васильеве. С. 26–27.
- ³² ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 314, л. 65.
- ³³ Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1929–1934). Новосибирск, 1984. С. 62–63.
- ³⁴ ГАОО, ф. 3134, оп. 1, д. 46, л. 7, 11, 19.
- ³⁵ ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 314, л. 46, 61, 65, 68.
- ³⁶ ГАОО, ф. 3134, оп. 1, д. 46, л. 11, 19.
- ³⁷ ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 314, л. 65.
- ³⁸ ГАОО, ф. 3134, оп. 1, д. 46, л. 1, 18.
- ³⁹ Там же, л. 6, 7, 12.
- ⁴⁰ Пиеницына И. Он рос вместе с нами. С. 26–27.
- ⁴¹ ГАОО, ф. 2200, оп. 1, д. 314, л. 65–66.
- ⁴² Там же, л. 61.
- ⁴³ Там же, л. 46.
- ⁴⁴ Там же, л. 70.
- ⁴⁵ Там же, л. 53.
- ⁴⁶ Забелина О. Годы надежд и испытаний // Воспоминания о П. Васильеве. С. 144.
- ⁴⁷ Скуратов М. Павел Васильев – побратим и пересмешник // Воспоминания о П. Васильеве. С. 165.
- ⁴⁸ Забелина О. Годы надежд и испытаний. С. 144.
- ⁴⁹ Там же. С. 145.

Т. А. Сабурова

ОБРАЗ ВЛАСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Несмотря на то, что проблема взаимоотношений и взаимодействия интеллигенции и власти имеет уже давнюю историю, изучена так же основательно, как и само понятие интеллигенции, представляется не только возможным, но и необходимым вновь обратиться к этой проблеме в рамках формирующейся социокультурной истории России и, соответственно, социокультурной истории интеллигенции. Возникновение новых исследовательских практик в связи с изменениями в исторической науке, гуманитарном знании в целом определяет значимость исследования сферы взаимодействия культуры и социальных отношений, диалектики смысловых категорий и стратегий социального поведения. Одним из проявлений стремления современного исторического знания к синтезу является попытка эффективного соединения макро- и микроаналитических стратегий, соединения общего и индивидуального, позволяющего увидеть и понять историческую специфику, преодолеть излишнюю социологизированность ис-